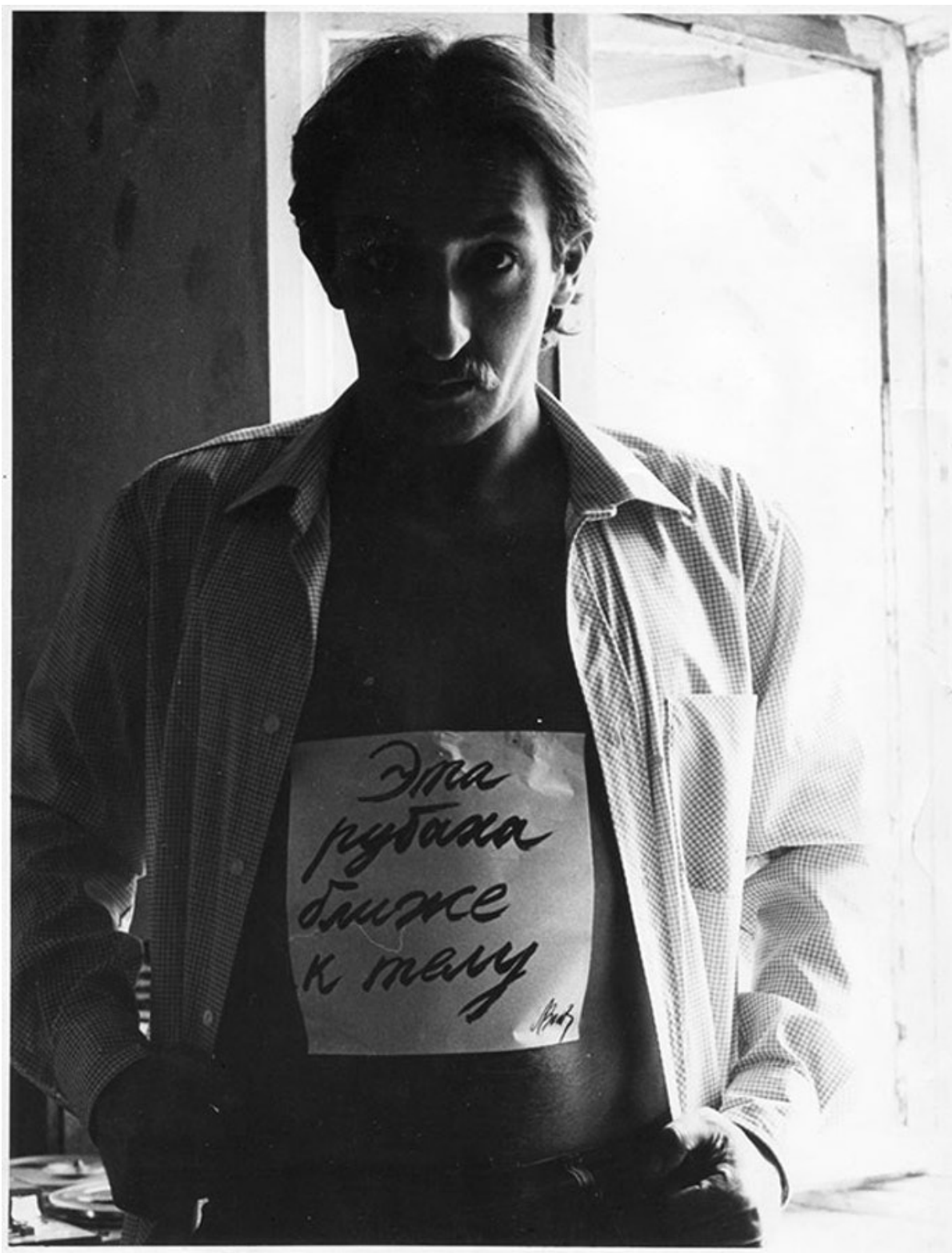

Бытие-художником. Воспоминания о Леониде Войцехове

Никита Алексеев (художник, Москва)

Хвостики цадика

С Лёней Войцеховым я познакомился в первой половине 80-х, когда в Москве случился «одесский десант», – без появления молодых одесситов московское искусство, разумеется,

оказалось бы другим. Они вакцинировали его специфической абсурдностью. По-южному расслабленной, но при этом очень жесткой, иногда даже жестокой.

Войцехов объявился в «[АртАрте](#)» с серией рисунков, называвшейся, если не ошибаюсь, «Хвостики». Там действительно нарисованы были какие-то пушистые, свернутые петлями хвосты. Почему хвостики, какие хвостики, с какой стати хвостики? Непонятно. Впрочем, хвостики так хвостики... И не такое бывает. Признаюсь, больше чем «Хвостики» меня сперва поразил Лёнин нос, действительно выдающийся. По всем канонам гоголевщины и банального психоанализа, этот нос для меня тут же связался с пушистыми хвостиками на рисунках Войцехова. Потом Лёня открыл рот, и зажурчал ласковый говорок с таким «одесским» прононсом, что я сперва подумал: издевается он, что ли? Так говорят в анекдотах, а не в жизни.

Но послушав Войцехова внимательнее, я обнаружил, что его журчащий бубнёж был идеально структурирован. Это была речь мудреца, хотя ничего поверхностно умного Лёня не говорил. И глаза у него были мудрые – пронзительно-цепкие и абсолютно спокойные.

А был такой случай, в конце 80-х или в начале 90-х, не помню – Лёня имел какое-то отношение к выставке «Дiaspora», куда художников принимали по этническому признаку. И он меня спросил, как у меня с еврейством? Я ответил, что не очень хорошо, бабушка была еврейка. С какой стороны? К сожалению, с отцовской. «Ты выдающийся художник, проблема, конечно... Но я с организаторами поговорю». Наверно, они его не послушали. Но я на Лёню совсем не в обиде. Какой из меня еврей?

Был ли Войцехов выдающимся художником? Не знаю. Какие-то «Хвостики», «Дирижеры»... По-моему, уже совершенно не важно, кто выдающийся, а кто нет, и кого возьмут в будущее, а кого оставят маяться на платформе «Сортировочная». И думаю, что Войцехова, человека очень умного, эта базар-вокзальная суэта интересовала мало. Он же, как я где-то прочитал, объявил себя цадиком современного искусства. Хасидами я интересуюсь давно, но со стороны. Потому что цадик должен верить безоговорочно, а я чему-то или кому-то безоговорочно верить не способен – даже если цадик такой замечательный, как Лёня Войцехов. Но чему-то он меня точно научил.

Чему? Не знаю толком. Может, спокойствию и тому, что торопиться незачем?

Тая Галаган/Татьяна Гершуни (художница, Киев)

Скажу кратко: появление Леонида Войцехова в киевской арт-тусовке середины 90-х было подобно урагану. Для моего молодого формирующегося сознания художника это было too much.

«Сколько можно писать эти картинки-мартинки? Сколько можно жевать это мертвое Му-Му?» говорил Леня и переворачивал мое восприятие наизнанку.

Леонид Войцехов потрясал невиданной, завораживающей энергетикой, мгновенно увлекающей своим уникальным, самобытным, иноходным ритмом. Его знания в области мировой и отечественной истории, а также философии, мистики и разнообразных других наук потрясали, заставляли тут же умолкать и слушать.

Одни Войцехова избегали, другие говорили, что он сумасшедший, третьи просто боялись. Тем не менее, я относилась к Леониду с большим уважением, разгадав в нем человека до

глубины души доброго и благородного, более того – человека беззащитного в том смысле, что если бы на пути ему встретился Дракон, он пошел бы на него с разорванной на груди рубахой без меча.

Леонид Войцехов для меня был благородным рыцарем, несмотря на всю неистовость его натуры. Вернее, наоборот: именно неистовость его натуры делала его настоящим Дон Кихотом. Ну, а мне было изумительно приятно находиться в роли Дульсины.

Наша дружба продлилась всю жизнь.

Илья Китуп (художник, Москва-Берлин)

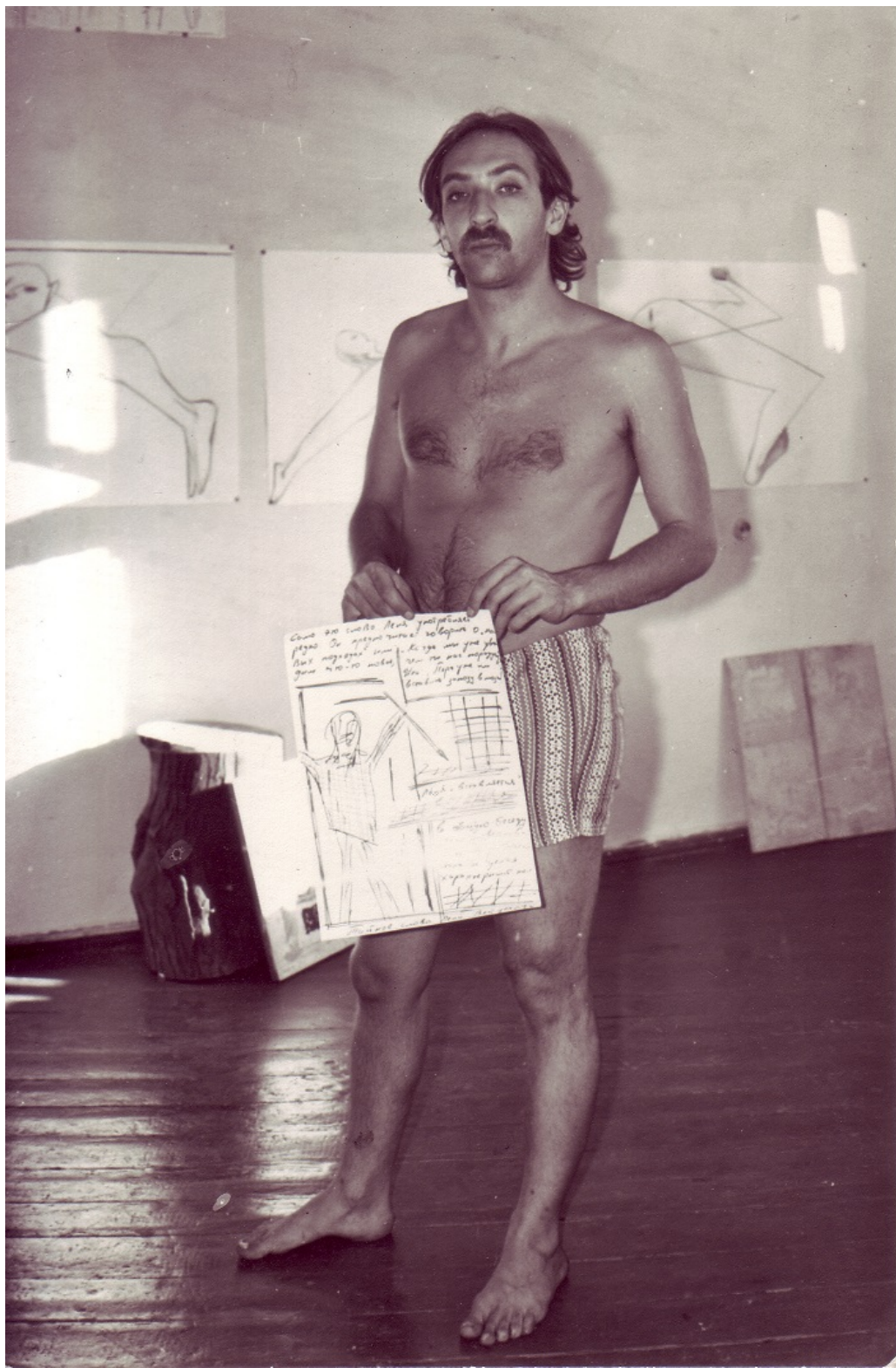
Лёнчик (1-9)

1. Лёничик – это Одесса. Понятия неразрывны. Жизнь в сказочном городе – это море, пляж, кафе, девушки и все виды кайфа. Разве должна быть иной жизнь в Одессе? Лёничик – наследник традиции книжных мудрецов, хитрожопых деловаров и городских сумасшедших. Он и был одесский штымп – усатый красавчик-мачо с зелёными глазами: весёлый, циничный, любитель бесед, женщин и кайфа. И очень добрый малый. Немножко жулик и, конечно, большой художник жизни. Спустить несколько квартир на кайфы? Квартир нет, Лёничика тоже нет, а вот кайф-таки был, и его было много.
2. Похороны Лёничика могли бы быть, как у негров в Новом Орлеане – с барабанами, оркестром и танцами. Но не печальные похороны с кадишем, заламыванием рук и воем. Я не знаю, какие были похороны. Когда Лёничик ушёл, я подумал, что этого не должно быть. Это противоестественно – и просто тупо. Он не должен быть мёртвый, Лёничик должен быть только живой.
3. Штымп был образован. Он уважал культуру. Всё время читал и другим велел. Он считал, что художник должен знать и уметь всё. Сам Лёня к этому стремился. Он воспитал плеяду местных талантов, потом уехавших в Москву. Уезжая, одессит увозит Одессу с собой. Но одессит не может уехать из Одессы. Некоторые постоянно возвращаются или вернулись совсем. Лёничик вернулся и остался. В принципе, он особо и не уезжал. Ну куда дальше ехать?
4. В Москве Лёня поселился в мастерских на Фурманном по соседству с другими подъехавшими одесситами. Он появился с Сеней Узенькие Глазки. Они прекрасно дополняли и оттеняли друг друга. Один был глуховат, второй подслеповат. Их диалог: «Сеня, глянь, какая тёлка! – Где?! – Что?!».
5. Войцехов-художник был тип сугубо карнавальный. Он жил постоянным говорением и придумыванием проектов. В Москве он разрабатывал проект «Академия-Буфф». Были собрания, обсуждения и споры. Что именно должно получиться, никому не было понятно. Но это должно было быть – и было весело. Как минимум, Лёничик был сам «Академия-Буфф». Как максимум – он зазывал туда всех.
6. Была ещё глобальная еврейская выставка со сбором сотен работ и проектами музея. Был проект, посвящённый батшке Махно, и множество других. Юра Лейдерман заставил Лёничика записать свои проекты – и получилась гениальная [книга](#). Я очень много лет не читал такой великолепной, энергичной и безумной прозы на родном языке. Время от времени перечитываю куски из этой книги – и даю читать другим.

7. Лёничик изготовил множество картин, рисунков и объектов. Проводил перформансы и организовывал выставки. Разумеется, воспитывал кадры на местах и выпустил их в свет целую плеяду. Но главное было – фантазии, идеи, разговоры и драйв, с которым всё это делалось. Идеология, практика и тексты «Медгерменевтики», на две трети состоявшей из одесситов, вне всякого сомнения имеют корни в базе, заложенной Войцеховым в своих учеников.

8. Весной я предложил ему издавать журнал «ЛЁНЧИК» на моём домашнем принтере. Сказал, что разгребёт дела, пришлёт текстов, картинок – и приступим. Не успели. Но было бы тупо похерить идею. Хороший Лёничик – живой Лёничик. Приходите в фб, присылайте тексты, стихи, портреты, карикатуры, анекдоты и байки – его и о нём. Буду верстать, печатать и присылать в Одессу пачку журналов. Будет у нас время от времени новая порция Лёничика почитать. Чтобы, читая Лёню, снова слышать его густой жестяной голос, как из бочки с этим особым «р»: «Шалом, бояре!». Потом, всё собрав, нужно и второй том сочинений выпустить.

9. «Академия-Буфф» задумывалась Лёней не как институт с пыльными кабинетами и мизерной зарплатой для теоретиков хохота, а как состояние души и особый творческий тонус. Сам он предпочитал жить в таком тонусе. И всегда был рад за тех, кто не ноет от ужасов бытия или безделья – но живёт в тонусе.

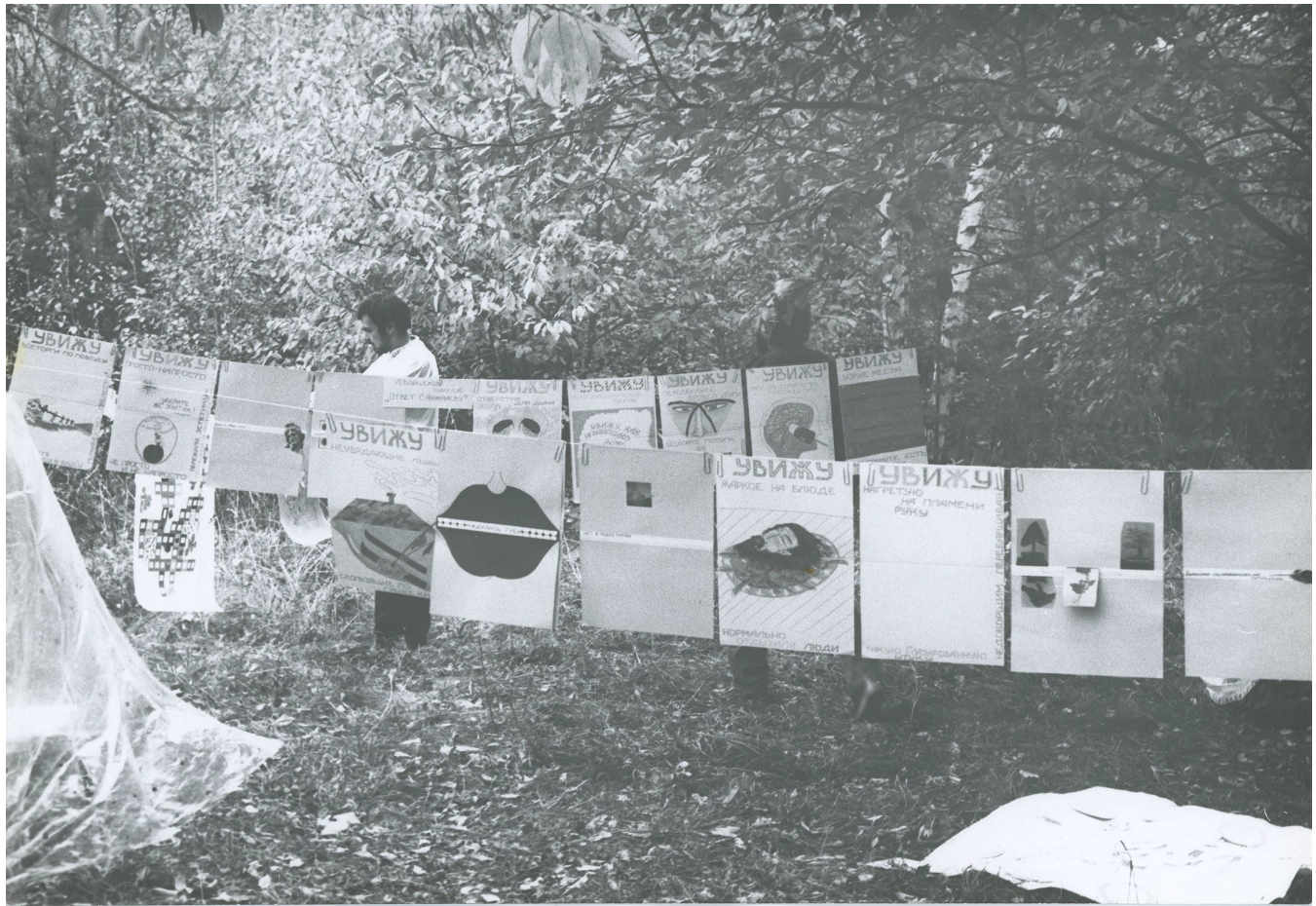
Юрий Лейдерман (художник, Одесса-Берлин)

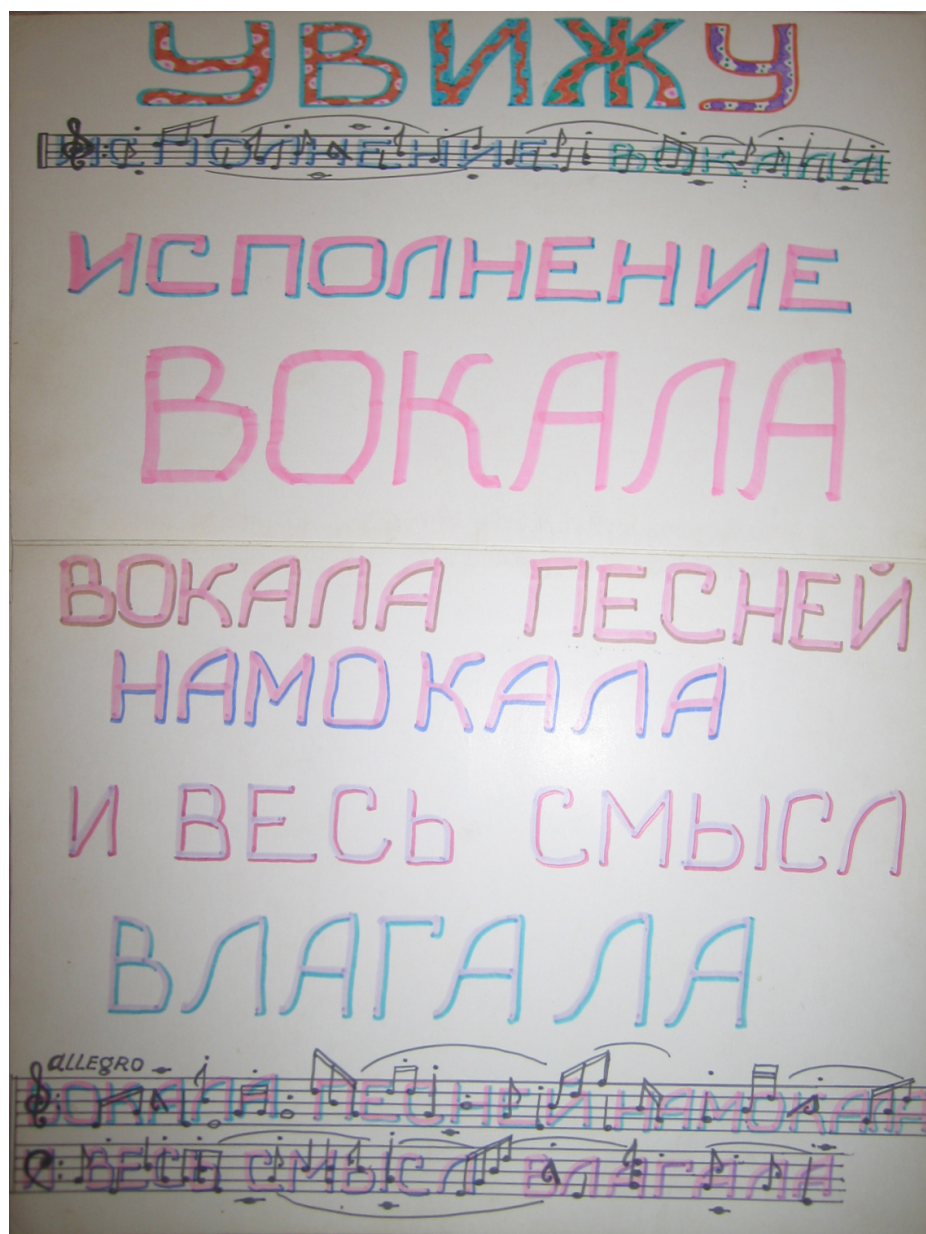
Когда уходит из жизни настоящий художник, для остающихся, для людей, знавших его лично, это не только трагедия и боль, но еще и вызов, вопрошание – понять, что же он делал в искусстве, что значил для нас и что оставил нам в наследство. И самое худшее здесь – это упаковать художника в персонажа, в анекдот, в какого-нибудь «смешнучего Лёничка» с его разухабистой Одессой. Короновать его шутовской капустной короной – вроде достойного человека помянули, и в то же время не будет мешать работать другим, более вменяемым и самосознательным, «реализовавшимся». Однако художник Леонид Войцехов, думается, не нуждается в подобном снисхождении, ибо в своем искусстве он сделал – именно «сделал» –

очень многое, а кое-что из этого мне представляется совершенно оригинальным и еще только подлежащим осмыслению. Я не буду сейчас говорить о том, что существует «налично» – пусть и в разобранном, разрозненном виде, где-то между Одессой, Киевом, Москвой и Нью-Джерси. О его папке «УВИЖУ», сделанной вместе с Ануфриевым, где «нью-вейв» обращается в какой-то психоделический камень, скалу, не прекращая при этом своего цветастого парения, как и положено волне. О графике его монструозных «Рукопожатий», через которые, кажется, просвечивает весь благодатный ужас наполоам с веселой тщетой того, что мы ныне называем «эпохой перестройки». О его коллажах, объектах, лозунгах, картинах, согревающих сердце всякого причастного у нас к современному искусству – о всех этих «оловянных, деревянных, стеклянных», «тузиках-пузиках», «гвоздиках на сахаре», «ни дать ни взять»... перечисление заняло бы не одну страницу. О Лёниных стихах, слушая которые, почему-то считается благоприличным заливаться смехом, хотя над многими было бы уместнее плакать. И так далее, и так далее... Я хочу сказать о том, что осталось как бы «нереализованным». Ниагарский водопад не может быть превращен в Ниагарский фонтан, и никакие насосы с этим не справятся. Однако дело совсем в другом. Да, можно, подобно Кристо, вся жизнь добросовестно просчитывать, разрабатывать, доводить до ума и упаковывать. А можно метаться между сотней идей такого рода, оставляя их в качестве речевых событий. Творческая судьба далеко не столь успешная, но в эстетическом смысле, быть может, не менее яркая. Значительное число работ Войцехова являет собой своего рода *речевые объекты*, построенные на игре слов, существующие в определенном речевом контексте и априори чуждающиеся реализации (даже если порой самому Войцехову ее так хотелось, или он пытался себя уверить в том, что ему этого хочется). Не «языковые объекты», работающие со сломом семантических парадигм, как в концептуализме, но именно «речевые» – связанные с самой длительностью говорения, проговаривания, проживания, манерой речи. Мне даже затруднительно здесь найти какие-то аналогии в истории современного искусства. Да, конечно – дадаизм, Дюшан, «Флаккус». Но у Дюшана было, кажется, всего 2-3 подобных объекта, основанных на «спунеризмах», игре слов. Они были реализованы и, соответственно, не нуждались в проговаривании. Аналогично у того или иного из художников «Флаккуса». А здесь – десятки, сотни идей такого рода, создаваемых на ходу, экспромтом, в разговоре, набрасываемых (или не набрасываемых) впопыхах на каких-то клочках бумаги, забываемых, перепутанных самим автором, возобновляемых вдруг вновь, но совсем по-другому, и так далее, и так далее. Вот уж воистину «Ниагарский фонтан». Или странные флуктуации, когда одна из таких затей вдруг вспухает чудовищным зонтиком, атомным грибом, «диаспорой», заслоняя на время собой все остальные. И понятно, что коль скоро мы имеем дело с речевыми объектами, большинство вспоминающих предпочитает сосредотачиваться на манере речи, на усах и взгляде, на словечках и анекдотах, однако, мне кажется, этот феномен заслуживает более обстоятельного искусствоведческого разговора, за гранью хохм и ритуальных речитативов об «одесском концептуализме».

И ещё, что было столь важным для меня лично – это его этический посыл. Нет, Лёня Войцехов не был «цадиком», «гуру», «неформальным лидером», «основателем украинского концептуализма» и прочая, прочая. И сейчас он уже не нуждается в этих утешительных призах. Однако было другое. Я, наверное, не встречал в жизни человека, в котором настолько обостренно просвечивало бы осознание своего бытия художником. Того, что присутствует ежеминутно и не может проявляться лишь по мере необходимости, по расписанию, по ранжиру, по списку. Это бытие-художником зачастую захлестывало его самого – как же иначе. Однако в первую очередь именно этим он притягивал к себе своих молодых друзей. Лщущ себя надеждой, что кое-что в этом плане мы от него восприняли. И ради бога, давайте обойдемся здесь без определений и гипербол.

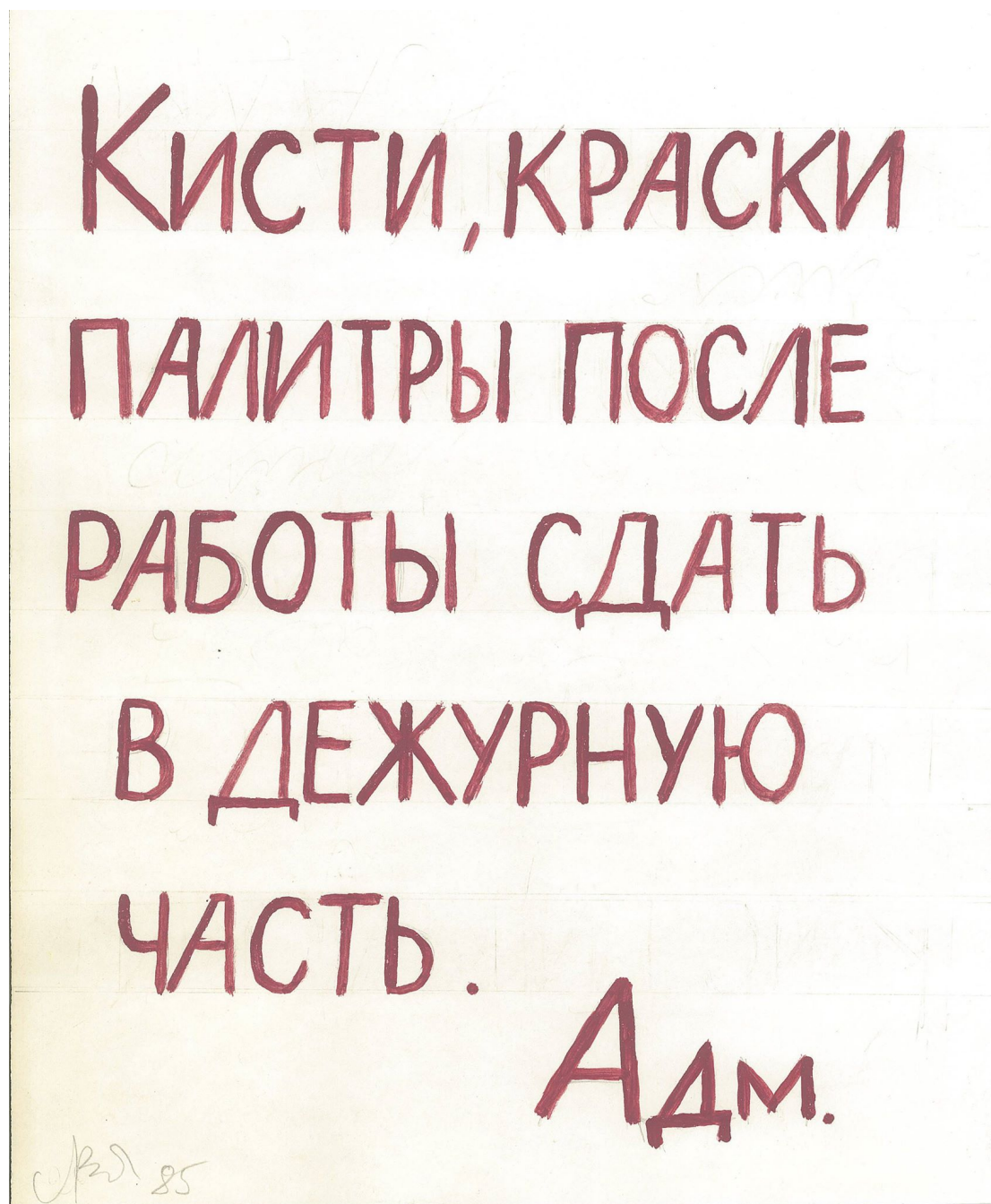

Виктор Савкив (издатель, коллекционер, Киев)

Леониду Войцехову. О Проектах

Сначала я познакомился с Лёниными текстами. До этого много слышал: Войцехов, Ануфриев, Чацкин. Вроде эпоса о былом концептуализме. Тексты оказались настолько интересными, литературными, захватывающими, что отсылки к современному искусству вообще и к его одесско-московскому ответвлению в частности были второстепенными. Правдоподобия или соответствия фактов искать мысли не возникало, как в «Слове о полку Игореве». Во-первых, понятно, что так и было, а во-вторых, если и было по-другому, то сразу вспоминался детский анекдот про деда Вовочки, который накануне 9-го мая вещал школьникам: «мальчик, а ты на войне был?». Автор «[Проектов](#)» на войне был, её выиграл, врагов разогнал, но на празднование победы ни сил, ни однопольчан не осталось. Осталась только документация. Подробная, живая и поучительная. Евангелие от Леонида, который Махно: «Придите люди ко мне, а убогие на хуй идите». Чтобы его издать, меня долго уговаривать не пришлось. Спасибо Юрию Лейдерману, который из рукописей сделал книгу. Как издатель я был совсем

неопытен. Поэтому книга, не товар, получилась очень хорошая. Сегодня, наверное, я поступил бы по-другому. И скандала бы не было, и обид, но и слова, что из песни, тоже бы не было. Потом познакомился с автором. Встретил удивительное равнодушие к принятым символам признания и успеха. Только живой интерес к выражению мысли. Словами, штрихами, символами. За тот небольшой период, когда, по роду деятельности галереи и своего увлечения, довелось изнутри наблюдать жизнь современной художественной среды, мне было очень важно, что где-то, в Одессе, есть такой художник – Леонид Войцехов. Ещё раз повторю свой пост: я очень рад знакомству с вами, уважаемый Леонид.

Владимир Наумец (художник, Одесса-Кёльн)

**«Вас будет не хватать...»
(памяти Л. Войцехова)**

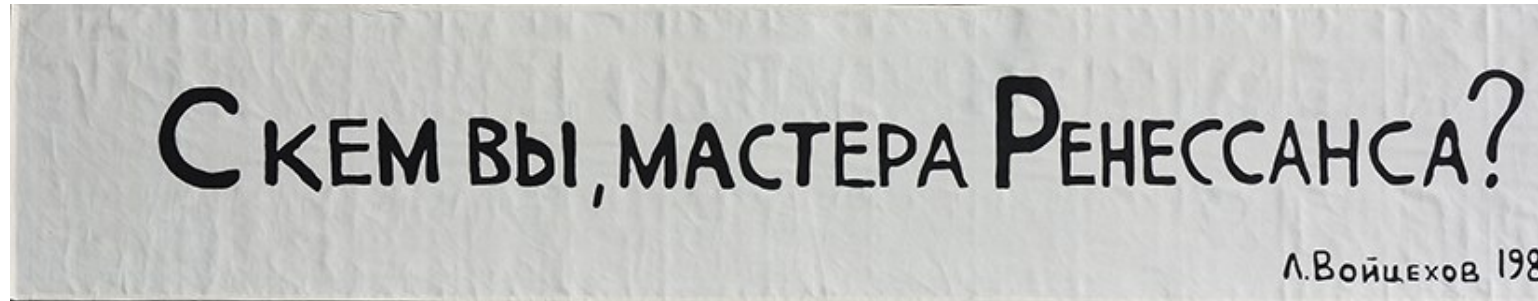
Сейчас понятно, что Лёня стал прощаться давно... подсознательно... интуитивно... Все эти ранние холсты со сценой, занавесом, раскланивающимся человеком – он видел мир как театр... Чувствовалось, что у него внутри – тонкая сложнейшая структура, постоянно работающая – фонтан идей, которые невозможно воплотить в обычном материале. Происходило совмещение планов, миров... Когда газовый огонь превращался в цветы... Предчувствие 80-х годов: «Не теряйте меня из виду» (акция 84-го), «Вас будет не хватать» (акция 84-го). Неосознанно, но он прощался уже давно. Да, он появлялся, тусовался, в нужное время в нужном месте он присутствовал, действовал... и – исчезал. Чувствовалось – он связан с другим миром... «Что под рубашкой ближе к телу?»... Говорил загадками – «Прямая речь» (1983). Эта реальность была ему не по силам и он прибегал к разным способам избежать её... прорваться в мир ино... В перерывах он отбивался своими работами и это был крик души... Задавался вопросом: «С кем вы...?» (акция 87 г, повтор 2013). Конечно же, он задавал этот вопрос себе... Он искал себя всю жизнь...

Везде и во всём...

И вот:

«Сразу. В два счета» (акция 87-го)

«Вот и сказочке конец» (2012)

С КЕМ ВЫ, МАСТЕРА РЕНЕССАНСА?

Л. Войцехов 198

Никита Кадан (художник, Киев)

Леонид Войцехов был и останется фигурой смутной, текучей, лишенной четкого контура, осваивающей пространство в бесчисленных направлениях, множащейся, нестабильной.

Войцехов – фигура не истории искусства, но «художественной мифологии». Прижизненная память о его работах обреталась в кухонных легендах, а не в антологиях и музеях – впрочем, тем хуже для здешних музеев. А теперь «историографически неудобная» фигура Войцехова будет экзаменовать нашу способность мыслить историю, её систему связей, причин и следствий.

О «Лёнчике» слышал каждый, кто имеет хоть какое-то отношение к художественному процессу в Украине. Так, в середине 2000-х услышал и я. А через пару лет узнал уже о

художнике Войцехове – не на киевских или одесских выставках, а от берлинской художницы Инги Цимприх, проводившей в Одессе свое исследование. Позже войцеховская «Прямая речь» стала заглавным образом «[Октябрьского проекта](#)» и стала циркулировать в мире уже как цитатный элемент из практики Инги и собранных ею групп. Вспомнилось, в Берлине все, кто видел фотографии перформансов Войцехова, принимали автора за западногерманского порноактера 70-х из-за характерных усов и голого торса.

В последние годы казалось, что в художественном смысле Войцехов находится в том же положении, о котором он говорил в своём [интервью](#) про 80-е: «Я тогда вообще отчаялся. Мне казалось вообще, что я один в городе и мне не к кому апеллировать». И это при том, что тогда в Одессе уже пару десятилетий как существовало некое «современное искусство», а Войцехов был его легендарной фигурой, одним из отцов-основателей – точнее, так называли другие, а потом он подхватил и сам. Одесский «Лёнчик» – между тусовочной мифологией и ненаписанной историей.

Но украинское искусство славится дутостью иерархий и к местным титулам следует относиться скептически. А одесская концептуальная группа и не строилась вокруг фигуры какого-то «отца» или «патриарха». Скорее уместно говорить о роли инициатора, дающего начало, соединяющееся с другими началами, об орнаменте начал, заплёте инициатив, давших в итоге чудесную и смутную констелляцию, которую мифотворчество не различает и для которой историография не имеет соответствующей полочки. «Искусство не пришей пизде рукав», как говорил Лейдерман.

Собственно, правомочность названия этого искусства «одесским концептуализмом» до сих пор остается под вопросом. Но с другой стороны – даже западоцентричная история искусства оставляет пространство для самых экзотических «концептуализмов» европейской периферии. В конце концов, признанное место среди них имеет даже «московский романтический». И в этом отношении, когда полуподпольные концептуальные практики почти каждой постсоциалистической страны, где они вообще имели место, являются основой и источником состоятельности для её современного художественного процесса, а инициаторы этих практик становятся безусловными классиками, – «одесская группа» остается практически единственным белым пятном на карте восточноевропейского концептуального движения, явлением, ещё ждущим своего открытия.

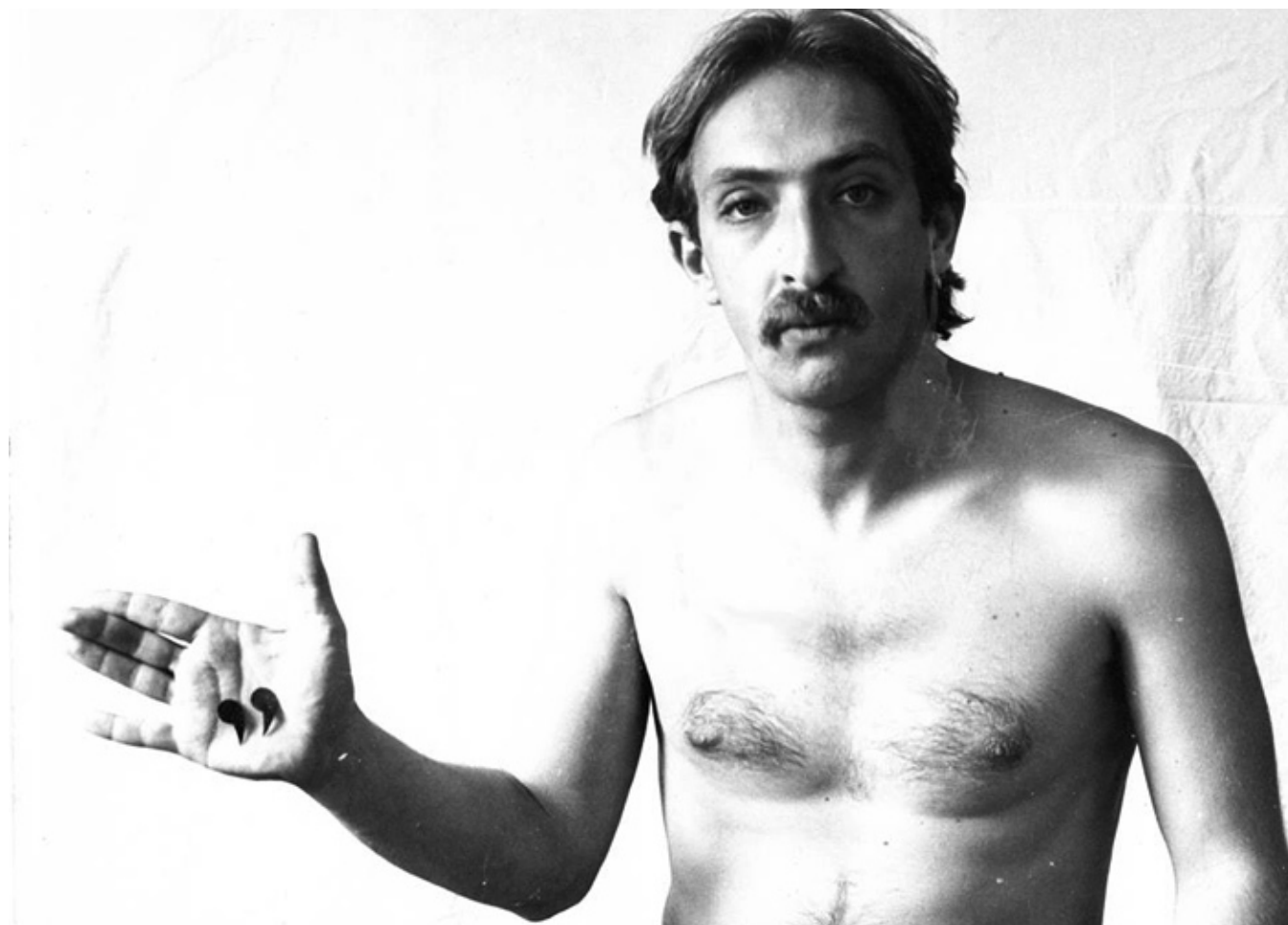
Войцехов – это художник, чьи проекты, причем самые разные по масштабу, в основном остались нереализованными. Одна из ключевых составляющих «современного искусства», мало прижившаяся на постсоветской почве, это т.н. «проектное мышление», противостоящее традиционно (а чаще всего попросту ремесленно) понимаемому «художественному производству». Но деятельность Войцехова – это и не о «произведении», и не о ремесленном «изделии», и не о «проектном мышлении». Она – о блаженном и бесплодном прожектерстве, маниловщине, о нереализованной потенциальности, о гипнотическом сиянии чистой возможности.

Сегодня уже видно, что Войцехова помнят преимущественно как «персонажа», от которого

остались истории, анекдоты, случаи. Войцехов – то ли Челлини, то ли Мюнхгаузен. Тот, кто живет в рассказе. Авантюрист, чьи приключения отрываются от своего корня в реальности и прорастают в вымысел. И вымысел начинает пить реальность, напиваться её соками. Но живой рассказ и есть среда для существования нереализованного проекта. Вместо профессиональной документации – сказка, байка, кухонная легенда, иногда притча.

Кем был художник Войцехов, не ясно сегодня и не будет ясно ещё долго, – по крайней мере, пока здесь, в украинском искусстве, не сформируется склонность мыслить историю, её систему связей, причин и следствий. Но уже ясно, кем он не был и куда не относился: Войцехов не относился к художественным популистам, к штамповщикам коммерчески успешных живописных изделий, к друзьям начальства, лидерам общественного мнения, профессиональным патриотам, крепким хозяйственникам, борцам за кресла и корыта, то есть к фигурам, нормативным для местной сцены и всецело «состоявшимся». Всему этому он предпочёл танец мысли, прекрасную нереализованность, свет потенциальности.

Переворачивание столпов и иерархий, создание просветов и размыканий, вечная инаковость – это то, что делает искусство страшным и весёлым делом. Это то, что было Войцехову свойственно как мало кому и что останется в живой памяти знавших его. А история придёт следом.

Аркадий Насонов (художник, Москва)

От сердца к сердцу

Ещё один [облачный комиссар](#) переселился на кучево-дождевые со шквалом... Со шквалом! Лёня выбрал себе тип облаков под стать темпераменту. Наблюдай, дорогой Лёнчик, и передавай нам сводки...

Мы с Лёней периодически обменивались взаимными стихотворными посланиями. Однажды он затаил обиду... На самом деле было за что. (Хотя он сам говорил, что не может обидеться, а может только сильно рассердиться.) И тогда он написал мне несколько зубодробительных пассажей. «Вы живете на улице Палиха, вы все паленые, вы погоррррельцыыы!» – рычал разъяренный Лёня...

А на днях я нашел свое последнее посвящение Лёне... Не помню точно, но надеюсь, что я успел его ему отправить...

Лёне Войцехову от сердца к сердцу

СТАРЫЙ ОТВЕТ НА НОВЫЙ ВОПРОС

В чёрный снег рассыпан белый уголь
Лисы белобурые на нём
Белые шахтеры встали в угол
Чёрный гриб буравит белозём

Мы запили горький чёрный сахар
Белым чаем с чёрным молоком
Но с глазами чёрными от страха
Белый негр ворвался в Чёрный дом

Спрятала кусочек чёрной соли
Черноснежка-гном на белый день
В комнатах черным черно от моли
В коликах от боли старый пень

Нам смеяться больше нету мочи
Плакать тоже вроде ерунда
Сквозь пространство тихой белой ночи
Светит Пушкин – Чёрная луна

В черноте нетронутой бумаги
Текст проглянет цепью островов
Чёрный мел рассыпался от влаги
Беломазый будь! – Всегда готов!

Благородство в нас от чёрной кости
Убеждения от чёрного вина
Но расходятся встревоженные гости
Бездна белая, и в ней не видно дна

Чёрный свет нас ждет в конце тоннеля
Чёрный парус в море голубом
Что внутри? Веселое похмелье
Что снаружи? Белизна кругом...

Писать в стиле «помните, каким он парнем был» – бессмысленно, потому что тот, кто хоть раз общался с Лёней, понимает, что это несложно запомнить, гораздо сложнее забыть. А кто с ним не общался, для того эти слова ничего и не значат. У каждого с ним множество персональных пересечений и историй, и я думаю, что интересно сконцентрироваться именно на них, поскольку о его головокружительных Идеях – Стены смеха из кривых зеркал напротив Стены плача, перевернутого вверх ногами Ниагарского водопада, покраски обратной стороны луны, подводной синагоги, Махно-лэнда, Смеховой Академии буфф, еврейского музея (где все художники делились на жидов и поджидающих) – слышали все, кто с ним общался. Лёня из этих невероятных идей и состоял. Он человек вечного Пира, в первоначальном смысле этого слова, «диалогов о Главном». Несмотря на профессиональный уровень жонглирования эйдосами, Лёня был не Платоном, а Сократом. Он не породил Академии и учеников, несмотря на исторический статус родоначальника Южной концептуальной школы. Как и Южное крыло декабристов, люди этой школы, хотя и варились все вместе в одном бульоне, признавали личный одиночный террор. Как умудренный учитель дзен, Лёня раздавал удары дубинкой направо и налево, ни щадя ни своих, ни чужих... А чашу с ядом цикуты растянул на всю жизнь, смакуя раствор небольшими глотками. И некоторые его замечания, сказанные как бы вскользь, но с характерным прищуром, иногда всплывают в памяти и, как это ни странно, помогают жить...

Конец 90-х. Очередной крестовый поход Войцехова на столицу. В голове «Смеховая Академия Буфф». В этот период Леня тормознулся у меня и я стал невольным свидетелем его походов к антикварам за «чем-нибудь смешным». Иногда мы ходили вместе. Леня с покрашенными пшеничными усами («Сука, Монрррро у меня вчера спиздил норррмальную краску для волос, приходится красить усы какой-то поебенью» – на самом деле даже не спиздил, а вылил себе в валенки, пытаясь их растянуть всеми возможными химикатами в доме Смирнского) в белоснежных брюках распахивал ударом ноги антикварный салон, и пока продавец шарил под прилавком в поисках пистолета, Лёня разрывал тишину: «У Вас есть ужэээ что нибудь смешноээээ? Я из Академии Буфф!!! Надо сказать, что смешное находилось... Например, старинный лубок с изображением грустного чудища, похожего на корову...

– Ну и что ? – спросил я, – Мило, конечно.

– Да ты вrrrrрубись... – рычал неугомонный Лёничик, – Смотри на пятна на шкуре, видишь, это же зеркальная надпись – СССР. И действительно, она там была...

Надо сказать, что в Лёниных маниакально-депрессивных качелях стадия подъёма обычно приходилась на «покорение Москвы». Тогда Лёня практически не спал, ему хватало 2-3 часа в день. Однажды он потащил меня рано утром на немецкое кладбище. В этот период нумерология слилась с синхронизацией и мастерством интерпретации. «Я так и знал, – орал тогда еще нормально слышащий каббалист Лёня, – 3 и 4, дух и материя, дают семёрку. А тут еще и номер аллеи 5 (Человек!) Все совпадает! И вчера я вышел из квартиры 55, в сумме 10 или единица!!! Ты это понял?»

Я привел Лёню к могиле человека по фамилии Карлсон. Мы покурили и Лёня немного успокоился...

В следующую нашу встречу в конце 90-х в Одессе, когда я у него останавливался, он был уже в спокойном и умиротворенном состоянии. Это было в мастерской на Асташкина, если мне не изменяет память. Лёня ленивый и теплый, в семейных трусах и с косяком в зубах, влипал кисточкой в мольберт. Вечером заходил Сеня Узенькие Глазки. Странно, – думал я, – похоже они поменялись головами. Сеня фонтанировал проектами и рычал с характерной Лёниной интонацией, Лёня же отвечал легкой ироничной улыбкой.

«Лёня, Аркаша, врубится... Такая идея! В Москве над смотровой площадкой в воздухе висят фигуры из страшного суда Микеланджело! Огромные надувные фигуры, и при этом звенят как колокола», – разрывало на куски Сеню. На что Лёня морщился и тихо отвечал: «Не, ну Сеня, где взять такие бюджеты? Мы это не потянем...»

В тот же год (эту историю, возможно, многие знают) произошел знаменитый диалог подслеповатого Сени и глохнущего Лёни. Диалог, по принципу мондо, настоящих чаньских учителей.

– Лёня, ты заметил, что-то в этом году комаров совсем не видно?

– Да их и не слышно, – ответил Лёня.

Покой сменился депрессией. Лёня, сидя в ванной, пилил вены из-за сорвавшейся выставки в галерее Риджина (!!!) про дирижера, о которой он давно мечтал. Иногда его клопочущий мозг утихал, Лёня молчал и загадочно улыбался, хлопая пушистыми ресницами. Так было, когда мы поехали на Кинбурнскую косу. Валялись у моря, писали стихи в блокнот. Хотя после я обнаружил внутри блокнота от него записку, что-то про то, что хватит тут стишками баловаться, пора уже заниматься серьезными и масштабными делами...

В начале 2000-х Лёня, удачно продав картинку, однажды пригласил в ресторан «кредиторов», одолживших ему скромные суммы. Он решил не только отдать эти долги, но и накормить друзей. Кредиторами были Олег Перец, Боря Матросов, Саша Петрелли и я. После

10-й рюмки Лёня встал в стойку Элвиса и начал делать поступательные движения коленом. Потом дал 100 долларов ресторанным лабухам и те заиграли какие-то якобы белогвардейские песни. Необходимо уточнить, что это был период, когда Лёня бредил «Махно-Лэндом». И вот уже одна из реинкарнаций Махно и Вишну уже лихо отплясывал в кругу декольтированных дам. «Вы посмотрите, какие курррочки» – орал, перекрикивая музыку Лёня, думая, что его не слышат ни сами курочки, ни их петушки... На деле же их угрюмые кавалеры уже мрачно косились в сторону нашего столика. Первый не выдержал Матросов: «Нам пора убегать!» Мы схватили в охапку Лёню, который уже рассовывал долларовые купюры по карманам гардеробщиков. Как нас тогда там не убили, непонятно...

Лёниной страстью были книги. Он их покупал не килограммами, а вязанками. Запросто мог приехать вечером с двумя гигантскими вязанками книг. Диапазон его интересов был широчайший. Конкурировать с ним в этом охвате всего спектра человеческого и нечеловеческого логоса мог разве что Володя Фёдоров. Однажды в Москве мне позвонил хозяин квартиры, где ненадолго останавливался Лёня, и попросил забрать оставшиеся книги – остальные он сдаст в библиотеку. Книгами было завалено полкоридора. Помимо огромного количества трудов весьма краевых философов, было множество ориентальной эзотерики, книг по белому движению и по культурологии. Но среди этого всего вполне предсказуемого набора попадались и весьма специальные экземпляры. Из того, что я помню, это был румыно-португальский разговорник строителя-монтажника... Я взял тогда несколько кирпичей, которые никак потом не мог ему передать, теперь они уже навсегда остались на моих полках на память о Лёне.

Все последние мои посещения Одессы я останавливался у Лёни. Лёня был опять в спокойной умиротворенной фазе. Любовался дочкой. Мы ходили на Привоз, как говорил Лёня, «делать базар». Вечерами сидели в его мастерской, курили, говорили об искусстве, дарили друг другу картинки. «Шо ты уже выбираешь всю эту концептуальную поебень. Возьми вот бабу голую из новой серии, на стену повесишь...» Я по настоянию Лёни взял ещё и голую бабу. Всё получилось наоборот. Концептуальная поебень висит в спальне, а голая баба стоит на полочке в мастерской...

Кто следующий? – спросил заведующий...

С лукавой хитринкой в глазах произнес Лёня на поминках Саши Гнилицкого... «Загадывать не будем?»

Разговариваем о смерти в общем и о смерти друзей в частности... Лёня, будучи «сердечником», сильно переживал и был уверен, что в смерти друзей, вернее в том, что за ней следует, необходимо такое же участие, как и в жизни. Он также переживал, что часть общих друзей брезгливо отворачиваются от факта смерти, как от чего-то будто бы уже к этому человеку не относящегося, и прикрываются псевдо-эзотерическими рассуждениями и «гурствованиями».

Но вот следующие не заставили себя ждать... «Южно-русская волна» обрушилась девятым валом... После Голосия и Гнилицкого ушли Игорь Чацкин, Олег Перец, Кира Проценко, Володя Фёдоров и теперь сам Лёня... И я не могу отключить сознание от этой страшной новости...

С другой стороны, Лёнчик, как и дедушка Ленин, – живее всех живых... И вот я сижу и наблюдаю, как над Феодосийской бухтой выпукляется его нос, проступают усы и раздаётся громогласное «Ну шо? Ужээээ?!»

Лёня, мы тебя любим!

Николай Карабинович (художник, Одесса)

Море усыхает. Этой линии прибоя уже совсем не видно.

Линия превратилась в пульсирующую точку. Пульсирующую – пока бьется моё сердце, пока я здесь.

Для меня все началось с [интервью](#) Лёнчика на сайте Гельмана.

Лет 11-12 назад я случайно наткнулся на [подборку материалов](#) Вадима Беспрозванного. Это была феерия. Это было вдуванием теплого воздуха в легкие. Искусственное дыхание. Оказывается, мы все дышали этим воздухом. В тот момент я полюбил это странное и противоречивое место – Одессу.

Летом 2016-го мы проводили много времени вместе. Летняя школа в Обсерваторном переулке с видом на море. Отложенный старт третьего дадаизма. Проекты.

Кто прочитает кадиш по этому Цадику?

Этого города, этой крепости уже точно больше нет. Великая Криныця. Его прямая речь. 12 жен Мухаммеда, 120 кубов, между прочим.

Воспоминания будут биться как волны. Он знал где лес, знал место, знал как разжигать костер и знал молитву. Мы знаем историю, и этого хватит.

Ещё 8.08.2018 - Одесса, Люстдорф, 9.08.2018

